

The Angel of Death

By Mikhail Lermontov

(1831)

Translated by Paul Connell

(April 2011)

АНГЕЛ СМЕРТИ

Восточная повесть

Посвящается А. М. В.

*Тебе — тебе мой дар смиренный,
Мой труд безвестный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньем и — тобой!*

*Я дни мои влачу, тоскуя
И в сердце образ твой храня,
Но об одном тебя прошу я:
Будь ангел смерти для меня.*

*Явись мне в грозный час страданья,
И поцелуй пусть будет твой
Залогом близкого свиданья
В стране любви, в стране другой!*

The Angel of Death

An Oriental Tale

Dedicated to A. M. V.

*To you – to you my meek gift,
My work is humble and simple,
But fiery, but inspired
With memories and – with you!*

*I drag my days out, pining
And storing your image in my heart
But there is one thing I beg of you:
Be the angel of death for me.*

*Appear to me in the dreadful hour of suffering,
And let your kiss be
A guarantee of a near meeting
In a country of love, in a different country!*

Златой Восток, страна чудес,
Страна любви и сладострастья,
Где блещет роза — дочь небес,
Где всё обильно, кроме счастья;
Где чище катится река,
Вольнее мчатся облака,
Пышнее вечер догорает,
И мир всю прелесть сохраняет
Тех дней, когда печатью зла
Душа людей, по воле рока,
Не обеславлена была,
Люблю тебя, страна Востока!
Кто знал тебя, тот забывал
Свою отчизну; кто видал
Твоих красавиц, не забудет
Надменный пламень их очей
И без сомненья верить будет
Печальной повести моей.

The golden Orient, the country of miracles, the country of love and voluptuousness, where a rose shines – the daughter of heaven – where everything is abundant except happiness; where purer flows the river, more freely rush the clouds, the evening burns out more spectacularly, and the world retains all the charms of those days, when the soul of people had not been imprinted with evil, had not been disgraced by the will of fate; I love you, country of the Orient! He who knew you, would forget his own fatherland; he who saw your beauties, would not forget the flames of their eyes and without a doubt would believe this sorrowful tale of mine.

Есть ангел смерти; в грозный час
Последних мук и расставанья
Он крепко обнимает нас,
Но холодны его лобзанья,
И страшен вид его для глаз
Бессильной жертвы; и невольно
Он заставляет трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Последний вздох ему отдать.
Но прежде людям эти встречи
Казались — сладостный удел.
Он знал таинственные речи,
Он взором утешать умел,
И бурные смирял он страсти,
И было у него во власти
Больную душу как-нибудь
На миг надеждой обмануть!

There is an angel of death; in the dreadful hour of the final torments and separation he strongly embraces us, but his kisses are cold and his appearance is terrible for the eyes of the powerless victim; and he compels involuntary trembling and often it is painful, painful for the heart to give up the last breath to him. But this meeting used to seem to people to be – a sweet destiny. He knew secret incantations, he could console with a glance and subdue stormy passions, and it was in his power to somehow cheat ailing souls in their moment of hope!

Равно во все края вселенной
Являлся ангел молодой;
На всё, что только прах земной,
Глядел с презрением нетленный;
Его приход благословенный
Дышал небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Как полуночная звезда,
Манил он смертных иногда,
И провожал он к дверям рая
Толпы освобожденных душ,
И сам был счастлив. Почему ж
Теперь томит его объятье,
И поцелуй его — проклятье?

.

The young angel appeared equally in all territories; on everything that is just earthly dust, imperishable, he gazed with scorn; his blessed arrival breathed heavenly silence; shining with quiet rays, like a midnight star, sometimes he beckoned mortals, and he lead crowds of freed souls to the doors of heaven and was himself happy. Why then does his embrace now torment, and is his kiss cursed?

.

Недалеко от берегов
И волн ревущих океана,
Под жарким небом Индостана
Синеет длинный ряд холмов.
Последний холм высок и страшен,
Скалами серыми украшен
И вдался в море; и на нем
Орлы да коршуны гнездятся,
И рыбаки к нему боятся
Подъехать в сумраке ночном.
Прикрыта дикими кустами,
На нем пещера есть одна —
Жилище змей — хладна, темна,
Как ум, обманутый мечтами,
Как жизнь, которой цели нет,
Как недосказанный очами
Убийцы хитрого привет.
Ее лампада — месяц полный,
С ней говорят морские волны,
И у отверстия стоят
Сторожевые пальмы в ряд.

Not far from the banks of the ocean of howling waves, underneath the hot sky of Indostan a long line of hills turns blue. The final hill is tall and frightening, ornamented with gray rocks and jutting out into the sea; and on it eagles and kites nest, and fishermen fear to approach it in the nighttime gloom. Shaded with wild bushes, on it there is one cave – a dwelling place of serpents – cold, dark, like a mind deceived with dreams, like a life, which has no goal, like a not yet uttered greeting in the eyes of a clever killer. Its [the cave's] icon lamp is a full moon, with it speak the sea-waves, and a sentry of palms stand in a row by its aperture.

Давным-давно в ней жил изгнанник,
Пришелец, юный Зораим.
Он на земле был только странник,
Людьми и небом был гоним.
Он *мог* быть счастлив, но блаженства
Искал в забавах он пустых,
Искал он в людях совершенства,
А сам — сам не был лучше их;
Искал великого в ничтожном,
Страшась надеяться, жалел
О том, что было счастьем ложным,
И, став без пользы осторожным,
Поверить никому не смел.
Любил он ночь, свободу, горы,
И всё в природе — и людей, —
Но избегал их. С ранних дней
К презренью приучил он взоры,
Но сердца пылкого не мог
Заставить так же охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она — хоть презрена — всё бог.
Одно сокровище, святыню
Имел под небесами он;
С ним раем почитал пустыню...
Но что ж? всегда ли верен сон?..

Long, long ago in it [the cave] lived an exile, this newcomer is the young Zoraim. On the earth he was just a wanderer, he was persecuted by people and by heaven. He *could* have been happy, but he searched for bliss in empty amusements, he searched for perfection in people, and he himself – he was not better than them; he searched for greatness in trifles, trying to hope, he wished for that which was false happiness and became wary without benefit, he could not dare to believe anyone. He loved the night, freedom, mountains, and everything in nature – and people – but he avoided them. From the earliest days he grew accustomed to scornful gazes, but he could not force his ardent heart to become cool like that; he did not fear love of humanity, it [love of humanity] – though spiteful – was still god. He had one sacred treasure beneath the skies; he considered heaven a desert ... But what of it? Would he always believe this dream? ...

На гордых высотах Ливана
Растет могильный кипарис,
И ветви плюща обвились
Вокруг его прямого стана;
Пусть вихорь мчится и шумит
И сломит кипарис высокой, —
Вкруг кипариса плющ обвит:
Он не погибнет одиноко!..
Так, миру чуждый, Зораим
Не вовсе беден — Ада с ним!
Она резва, как лань степная,
Мила, как цвет душистый рая;
Всё страстно в ней: и грудь, и стан,
Глаза — два солнца южных стран.
И деве было всё забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанник бледный, величавый,
С холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье
Огонь в очах его родить
И в мертвом сердце возбудить
Любви безумное страданье,
И удалось ей. Зораим
Любил — с тех пор, как был любим;
Судьбина их соединила,
А разлучит — одна могила!

On the proud heights of Lebanon grows the sepulchral cypress, and branches of ivy have twisted around its straight figure; let the whirlwind rush and moan and break the tall cypress – around the cypress the ivy twists: it [the cypress] won't die alone! ... Thus, in a different world, Zoraim was not completely poor – Ada was with him! She was sprightly like a steppe deer, nice, like fragrant flower of heaven; everything about her was passionate: her bosom, and figure, [her] eyes were two suns of southern countries. And to this girl everything was amusing as long as the pale, majestic exile did not appear to her with a cold impudent eye; and even then a wish would come to her to birth a fire in his eyes and to rouse an insane passion of love in his dead heart, and then it [the wish] left her. Zoraim loved – henceforth, like he was loved; fate had united them, but to separate – would mean the grave!

На синих небесах луна
С звездами дальными сияет,
Лучом в пещеру ударяет;
И беспокойная волна,
Ночной прохладою полна,
Утес, белея, обнимает.
Я помню — в этот самый час
Обыкновенно нежный глас,
Сопровождаемый игрою,
Звучал, теряясь за горою:
Он из пещеры выходил.
Какой же демон эти звуки
Волшебной властью усыпил?..

In the dark blue heavens the moon shined with far away stars, struck the cave with its beam; and an uneasy wave, full of nighttime coolness rocked, and turning white embraced [the cave]. I remember – in this very hour a usually tender voice, accompanied this performance, it sounded, losing itself behind the mountain: it came from the cave. What kind of demon incanted these sounds with magical power? ...

Почти без чувств, без дум, без сил,
Лежит на ложе смертной муки
Младая Ада. Ветерок
Не освежит ее ланиты,
И томный взор полуоткрытый
Напрасно смотрит на восток,
И утра ждет она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будет там,
Где солнца уж не нужно нам.
У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораим
Стоит — коленопреклоненный,
Тоской отчаянья томим.
В руке изгнанника белеет
Девушки хладная рука,
И жизни жар ее не греет.
«Но смерть, — он мыслит, — не близка!
Рука — не жизнь; болезнь простая —
Всё не кончина роковая!»
Так иногда надежды свет
Являет то, чего уж нет;
И нам хотя не остается
Для утешенья ничего,
Она над сердцем все смеется,
Не исчезая из него.

Almost without feelings, without thoughts, without strength, young Ada lies on the bed in death throes. The breeze does not refresh her cheeks, and her languid, half-opened gaze vainly looks to the east, and she waits for the morning in vain: she will not see the splendid dawn, by morning she will be there, where we have no need of the sun. Zoraim stands by the head of the bed, staggering with hidden fear – on bended knees tormented with the melancholy of despair. In the hand of the exile pales the damsel’s cold hand, and the coals of her life no longer give out warmth. “But death,” he thought, “is not close! A hand is not her whole life; the sickness is simple – everything is not fatefully ended!” And so the light of hope appears to those, to whom there is no more; and although it does not stay around for any kind of comfort, never disappearing, [hope still] laughs at all our hearts.

В то время смерти ангел нежный
Летел чрез южный небосклон;
Вдруг слышит ропот он мятежный,
И плач любви — и слабый стон,
И, быстрый как полет мгновенья,
К пещере подлетает он.
Тоску последнего мученья
Дух смерти усладить хотел
И на устах покорной Ады
Свой поцелуй напечатлел:
Он дать не мог другой отрады!
Или, быть может, Зораим
Еще замечен не был им...
Но скоро при огне лампы
Недвижный, мутный встретив взор,
Он в нем прочел себе укор;
И ангел смерти сожаленье
В душе почувствовал святой.

At this time the tender angel of death flew through the southern sky; all of a sudden he heard a restless murmur, and a cry of love – and a weak groan, and, quick like the flight of a moment, he flew up to the cave. The spirit of death wanted to sweeten the anguish of the final torment and on the lips of the resigned Ada planted his kiss: he could give no other comfort! Or, maybe, Zoraim still had not noticed them ... But soon by the fire of the icon lamp, having met the dull unmoving gaze he [the angel] read in it [the gaze] his own reproach; and the angel of death felt regret in his sacred soul.

Скажу ли? — даже в преступленье
Он обвинял себя порой.
Он отнял всё у Зораима:
Одна была лишь им любима,
Его любовь была сильнее
Всех дум и всех других страстей.
И он не плакал, — но понятно
По цвету бледному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерял он невозвратно.
И ангел знал, — и как не знать?
Что безнадежности печать
В спокойном холоде молчанья,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

Shall I say? – he [the angel] occasionally accused himself even to a fault. He would take away everything from Zoraim: she was his only beloved, his love was stronger than all his thoughts and all other passions. And he did not cry – but it was discernable by the color of his pale brow, that death's torment overcame him, he almost was irrevocably lost. And the angel knew – and how could he not know? That the stamp of hopelessness was in the calm coldness of the silence, that it was easier to cry, then to suffer without any signs of suffering.

И ангел мыслью поражен,
Достоиную небес: желает
Вознаградить страдальца он.
Ужель создатель запрещает
Несчастных утешать людей?
И девы труп он оживляет
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь в груди остылой
Опять волнуется, кипит;
И взор, волшебной полон силой,
В тени ресниц ее горит.
Так ангел смерти съединился
Со всем, чем только жизнь мила;
Но ум границам подчинился,
И власть — не та уж, как была,
И только в памяти туманной
Хранит он думы прежних лет;
Их появленье Аде странно,
Как ночью метеора свет,
И ей смешна ее беспечность,
И ей грядущее темно,
И чувства, вечные как вечность,
Соединились все в одно.
Желаньям друга посвятила
Она все радости свои,
Как будто смерть и не гасила
В невинном сердце жар любви!..

And the angel was struck with a thought worthy of the heavens: he would recompense the sufferer himself. Is it possible that the creator forbids comforting unhappy people? And he animated the corpse of the dead maiden with his own angelic soul. And, miraculously! Blood in her chest, which had cooled again surged and boiled; and a gaze, magical and full of strength, burned in the shadow of her eyelashes. Thus the angel of death united himself with everything that was her dear life; but his mind submitted to boundaries, and his power – was already not such as it had been, and only in his cloudy memory he preserved thoughts of the previous years; their [the thoughts'] appearance to Ada was strange, like the nighttime light of a meteor, and her nonchalance was funny to her, and her future was dark, and her feelings, everlasting as eternity, all united into one. She devoted all her own happiness to the wishes of her friend, as though death had not extinguished the ember of love in her innocent heart! ...

Однажды на скале прибрежной,
Внимая плеск волны морской,
Задумчив, рядом с Адой нежной,
Сидел изгнанник молодой.
Лучи вечерние златили
Широкий синий океан,
И видно было сквозь туман,
Как паруса вдали бродили.
Большие черные глаза
На друга дева устремляла,
Но в диком сердце бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой рассеянные взгляды
На красный запад он кидал
И вдруг, взяв тихо руку Ады
И обратившись к ней, сказал:

One day on the coastal cove, while paying attention to the splash of the sea waves, sat the wistful young exile close to tender Ada. The evening rays goldened the wide dark blue ocean, and one could see through the fog how sails wandered in the distance. The maiden fixed her big black eyes on her friend, but it seemed that a hidden thunderstorm raged in his wild heart. Now and then he cast dispersing glances to the red west and suddenly, quietly taking Ada's hand and turning to her, said:

«Нет! не могу в пустыне доле
Однообразно дни влачить;
Я волен — но душа в неволе:
Ей должно цепи раздробить...
Что жизнь? — давай мне чашу славы,
Хотя бы в ней был смертный яд,
Я не вздрогну — я выпить рад:
Не все ль блаженства — лишь отравы?
Когда-нибудь всё должен я
Оставить ношу бытия...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
И мне покойну быть? — о нет!..
Взгляни: за этими горами
С могучим войском под шатрами
Стоят два грозные царя;
И завтра, только что заря
Успеет в облаках проснуться,
Труба войны и звук мечей
В пустыне нашей раздадутся.
И к одному из тех царей
Идти как воин я решился.

“No! I cannot monotonously drag out my days in a deserted fate; I am free – though my soul is enslaved: it should smash its chains ... What is life? – give me a bowl of honor, though it may be deadly poison, I won’t flinch – I will happily drink it down: Isn’t all bliss – almost poison? Sometime I will have to leave behind everything entailed in the burden of being... Tell me, is it possible that one grave could be a significant trace of he, whose heart the thought of pettiness tormented? Would this be peace to me? – Oh no! ... Look: behind these mountains stand two terrible kings encamped with powerful armies. And tomorrow, just as the dawn has succeeded in waking up in the clouds, the trumpet of war and the sound of swords will ring out in our desert. And I have decided to go to one of these kings as a warrior.

Но ты не жди, чтоб возвратился
Я побежденным. Нет, скорей
Волна, гонимая волнами
По бесконечности морей,
В приют родимых камышей
Воротится. Но если с нами
Победа будет, я принесу
Клянусь тебе жемчуг и золото,
Себе одну оставлю честь...
И буду счастлив, и тогда-то
Мы заживем с тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройский меч не презирала,
Но если б даже ты желала...
Мой друг, я должен видеть кровь!
Верь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слепой.
Как? ты бледнеешь?.. слезы? слезы?
Об чем же плакать, ангел мой?»

But do not wait for me to return defeated. No, more likely a wave chased by waves on the endless sea will return to the reed shelter of kinsfolk. But if we will be victorious, I swear I will bring you pearls and gold, for myself I will leave only honor... And I will be happy and then we would live richly together... I know: love always held the heroic sword in contempt, but if even you wished [that I not go] ... My friend, I should see blood! Believe me: the blind and insidious threats of fate are nothing. What? You pale? ... tears? Tears? What is there to cry about, my angel?"

И ангел-дева отвечает:
«Видал ли ты, как отражает
Ручей склонившийся цветок?
Когда вода не шевелится,
Он неподвижно в ней глядится,
Но если свежий ветерок
Волну зеленую встревожит
И всколебается волна,
Ужели тень цветочка может
Не колебаться, как она?
Мою судьбу с твоей судьбою
Соединил так точно рок,
Волна — твой образ, мой — цветок.
Ты грустен, — я грустна с тобою!
Как знать? — быть может, этот час
Последний счастливый для нас!...»

And the angel-maiden answers:

“Did you see how the creek reflects the flower bending over it? When the water does not stir, it [the flower] sees itself unmoving, but if a fresh gust unsettles a green wave and that wave roles, is it possible that the shade of the little flower could not move, like the wave? And so fate united my destiny with your destiny, the wave – is your image, mine – is the flower. You are sad, and I am sad with you! How could we know? – maybe this will be the final happy hour for us! ...”

Зачем в долине сокровенной
От миртов дышит аромат?
Зачем?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернят.
Цветок измятый обагрится
Их кровью, и стрела промчится
На место птицы в небесах,
И солнце отуманит прах.
Крик победивших, стон сраженных
Принудят мирных соловьев
Искать в пределах отдаленных
Иных долин, других кустов,
Где красный день, как ночь, спокоен,
Где их царицу, их любовь,
Не стопчет розу мрачный воин
И обагрить не может кровь.

Why does a scent blow from myrtle in a concealed valley? Why? ... People profane the nature of the ruler of the universe. The crumpled flower stains itself with its own blood, and an arrow rushes through the place of a bird in the heavens, and dust dims the sun. The shout of the victorious, the moan of the defeated compel peaceful nightingales to search in distant backlands for other dales, for different shrubs, where the red day, like the night, is tranquil, where a dismal warrior does not wear down their queen, their love, and where blood cannot stain her rose.

Чу!.. топот... пыль клубится тучей,
И вот звучит труба войны,
И первый свист стрелы летучей
Раздался с каждой стороны!
Новорожденное светило
С лазурной неба вышины
Кровавым блеском озарило
Доспехи ратные бойцов.
Меж тем войска еще сходились
Всё ближе... ближе — и сразились;
И треску копий и щитов,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье — царь в душах людей
И удивления сильней.

Hark! ... hoof beats ... the dust curls in clouds, and there sound the trumpets of war, and the first whistle of flying arrows resounds from each side! A newborn star in the azure heights of heaven illuminates the war armor of the combatants with a bloody luster. Meanwhile the armies converged; everything closer ... closer – and they fought; and they themselves seemed surprised by the crash of swashes and bucklers itself. But revenge is king in the souls of people and is stronger than surprise.

Была ужасна эта встреча,
Подобно встрече двух громов
В грозу меж дымных облаков.
С успехом равным длилась сеча,
И всё теснилось. Кровь рекой
Лилась везде, мечи блистали,
Как тени знамена блуждали
Над каждой темною толпой,
И с криком смерти роковой
На трупы трупы упали...
Но отступает наконец
Одна толпа; и побежденный
Уж не противится боец;
И по траве окровавленной
Скользит испуганный беглец.
Один лишь воин, окруженный
Враждебным войском, не хотел
Еще бежать. Из мертвых тел
Вокруг него была ограда...
И тут остался он один.
Он не был царь иль царский сын,
Хоть одарен был силой взгляда
И гордой важностью чела.
Но вдруг коварная стрела
Пронзила витязя младого,
И шумно навзничь он упал,
И кровь струилась... и ни слова
Он, упавая, не сказал,
Когда победный крик раздался,
Как погребальный крик над ним,
И мимо смелый враг промчался,
Огнем пылая боевым.

This meeting was terrible, equal to the meeting of two thunderclaps in a thunderstorm between two smoky clouds. The battle lasted on with even success, and all pressing forward. A river of blood poured everywhere, swords flashed, wandering like the shadows of the standards above every dark crowd, and with a scream of fateful death corpses fell on corpses... But one crowd at last drew back; and the defeated soldier no longer held the line; and along the bloodied grass slid a frightened deserter. Alone this soldier, surrounded by the hostile army, did not want to run anymore. Around him was a fence of dead bodies... and there he remained alone. He was not the king or the king's son, though he was gifted with a strength of gaze and a proud, important brow. But suddenly an insidious arrow pierced the hero of youth, and loudly he fell supine, and blood streamed ... and he did not say one word as he fell, when the triumphant shout resounded, like a funeral shout above him, and the brave enemy rushed past, glowing with martial fire.

На битву издали взирая
С горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской,
Высоко перси подымая,
Боязнью сердце билось в ней,
Всечасно слезы набегали
На очи, полные печали...
О боже! — Для таких очей
Кто не пожертвовал бы славой?
Но Зораиму был милей
Девичьей ласки путь кровавый!
Безумец! ты цены не знал
Всему, всему, чем обладал,
Не ведал ты, что ангел нежный
Оставил рай свой безмятежный,
Чтоб сердце Ады оживить;
Что многих он лишил отрады
В последний миг, чтоб усладить
Твое страданье. Бедной Ады
Мольбу отвергнул хладно ты;
Возможно ль? ангел красоты
Тебе, изгнанник, не дороже
Надменной и пустой мечты?..
Она глядит и ждет... но что же?
Давно уж в поле тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными телами
Долина битвы устлана...

Gazing from a distance at the battle from the rocky and steep mountains, alone stood young Ada, troubled with anguish, heaved her bosom highly, her heart beat with fear in her, unstopping tears ran out of her eyes, full of grief... Oh God! Who would not sacrifice his victory for such eyes? But the bloody path was sweet maidenly caresses for Zoraim! Madman! You did not know value of everything, everything, that you possessed, you did not see, that the tender angel left his serene paradise to vivify Ada's heart; that he deprived himself of many joys in the last moment, to sweeten your suffering. You coldly repudiated poor Ada's entreaty; is it possible? The angel of beauty is not more dear to you, exile, than haughty and empty dreams? .. she looks and waits ... but what of it? It has long been silent on the field, enemies dashed past enemies, as soon as the valley of the battle was covered with distorted bodies ...

Увы! где ангел утешенья?
Где вестник рая молодой?
Он мучим страстию земной
И не услышит их моленья!..
Уж солнце низко — Ада ждет...
Всё тихо вокруг... *он* всё нейдет!..

Она спускается в долину
И видит страшную картину.
Идет меж трупов чуть дыша;
Как у невинного пред казнью,
Надеждой, смешанной с боязнью,
Ее волнуется душа.
Она предчувствовать страшится,
И с каждым шагом воротиться
Она желала б; но любовь
Превозмогла в ней ужас вновь;
Бледны ланиты девы милой,
На грудь склонилась голова...
И вот недвижна! Такова
Была б лилея над могилой!
Где Зораим? Что, если он
Убит? — но чей раздался стон?
Кто этот раненный стрелою
У ног красавицы? Чей глас
Так сильно душу в ней потряс?
Он мертвых окружен грядюю,
Но час кончины и над ним...
Кто ж он? — Свершилось! — Зораим.

Alas! Where is the angel of comfort? Where is the young herald of heaven? He is tortured with earthly passions and does not hear their prayers! ... The sun was already low – Ada waits ... everything is quiet around ... *he* still did not come! ...

She lowers herself down the valley and sees a terrible scene. She walks between corpses barely breathing; like an innocent before an execution, her soul troubles her with hope mixed with fear. She fears having a premonition, and with every step she wishes to return; but love again overcomes the fear in her; the dear maiden's cheeks are pale; her head is inclined on her chest ... and behold is motionless! Such as she would lament over a grave! Where is Zoraim? What if he is dead? – but whose moan just rang out? Who is that, wounded with an arrow at the feet of the beauty? Whose voice so strongly shakes the soul in her? He is surrounded by an embankment of the dead, but the hour of demise was already above him ... Who was he? – It has happened! – Zoraim.

«Ты здесь? теперь? — и ты ли, Ада?
О! твой приход мне не отрада!
Зачем? — Для ужасов войны
Твои глаза не созданы,
Смерть не должна быть их предметом;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда — что пользы в этом?..
Лишь я хотел увидеть кровь
И вижу... и приход мгновенья,
Когда усну, без сновиденья.
Никто — я сам тому виной...
Я гибну! Первою звездой
Нам возвестит судьба разлуку.
Не бойся крови, дай мне руку:
Я виноват перед тобой...
Прости! Ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родных, ни крова,
И даже... на груди другого
Не будешь счастлива опять:
Кто может дважды счастье знать?

“You are here? Now? – is it you, Ada? Oh! Your coming is not a joy for me! Why? Your eyes weren’t created for the terrors of war, death should not be their subject; excessive love brought you here – what good is there in this? I just wanted to see blood, I see ... the arrival of the moment when I will sleep, without dreams. No one – I myself am so guilty ... I’m perishing! With the first star fate will announce our separation. Do not be afraid of blood, give me your hand: I’m guilty before your ... forgive me! You will be an orphan, you will not find kinsfolk, nor shelter, and even ... on the chest of another do not be happy again: who could twice know happiness?”

«Мой друг! к чему твои лобзанья
Теперь, столь полные огня?
Они не оживят меня
И увеличат лишь страданья,
Напомнив, как я счастлив был;
О, если б, если б я забыл,
Что в мире есть воспоминанья!
Я чувствую, к груди моей
Всё ближе, ближе смертный холод.
О, кто б подумал? как я молод!
Как много я провел бы дней
С тобою, в тишине глубокой,
Под тенью пальм береговых,
Когда б сегодня рок жестокой
Не обманул надежд моих!..
Еще в стране моей родимой
Гадатель мудрый, всеми чтимый,
Мне предсказал, что час придет —
И громкий подвиг совершу я,
И глас молвы произнесет
Мое названье, торжествуя,
Но...» Тут, как арфы дальней звон,
Его слова невнятно стали,
Глаза всю яркость потеряли
И ослабел приметно он.

“My friend! Why are your kisses now so filled with fire? They will not bring me back to life and [they] only increase my suffering, reminiscent, of how happy I was; Oh, if only, if only I forgot, that there are memories in the world! I feel, the deathly cold closer, closer to my chest. Oh, who would have thought? I am so young! How many days I would have spent with you, in the deep silence under the shadow of the shoreline palms, if today unbending fate had not cheated me of my hopes! ... Still in my native country there is a wise soothsayer, revered by all, he told me, that an hour would come – and I would accomplish a celebrated feat, and a voice of praise would pronounce my name triumphantly, but ...” here, like the ringing of a distant harp, his words became indistinct, his eyes lost all brightness and he perceptibly slackened.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крепко обнимала,
Забыв, что у нее уж нет
Чудесной власти прежних лет;
Что поцелуй ее бессильный,
Ничтожный, как ничтожный звук,
Не озаряет тьмы могильной,
Не облегчит последних мук.
Меж тем на своде отдаленном
Одна алмазная звезда
Явилась в блеске неизменном,
Чиста, прекрасна, как всегда;
И мнилось: луч ее не знает,
Что́ на земле он озаряет:
Так он игриво нисходил
На жертву тленья и могил.
И Зораим хотел напрасно
Последним ласкам отвечать;
Всё, всё, что может он сказать,
Уныло, мрачно, — но не страстно!

Ada did not heed the sufferer, she only silently strongly embraced him, having forgot that she no longer had the miraculous power of past years; that her kiss was powerless, insignificant, [and like] an insignificant sound, would not light up the sepulchral dark, would not ease the final torments. At the same time in a far away vault one diamond-like star appeared in unfailing brilliance, pure, beautiful, like always; and to think: its beams did not know what it illuminated on the earth: and so it playfully descended on victims of decay and graves. And Zoraim vainly hoped to answer the final caress; everything, everything, that he could say, despondently, gloomily – but not passionately!

Уж пламень слез ее не жжет
Ланиты хладные как лед,
Уж тихо каплет кровь из раны;
И с криком, точно дух ночной,
Над ослабевшей головой
Летает коршун, гость незванный.
И грустно юноша взглянул
На отдаленное светило,
Взглянул он в очи девице милой,
Привстал — и вздрогнул — и вздохнул —
И умер. С синими губами
И с побелевшими глазами,
Лик — прежде нежный — был страшней
Всего, что страшно для людей.

Чья тень прозрачной мглой одета,
Как заблудившийся луч света,
С земли возносится туда,
Где блещет первая звезда?
Венец играет серебристый
Над мирным, радостным челом,
И долго виден след огнистый
За нею в сумраке ночном...
То ангел смерти, смертью тленной
От уз земных освобожденный!..
Он тело девицы бросил в прах:
Его отчизна в небесах.
Там всё, что он любил земного,
Он встретит и полюбит снова!..

Already the flame of his tears no longer burned his cheeks, which were as cold as ice, already blood quietly dripped out of the wound; and with a scream, just like a night spirit, flew a kite above his slackened head, an uncalled for guest. And the youth sadly looked at the far-away star, he looked in the eyes of the young maiden, half-rose – and flinched – and took a breath – and died. With dark blue lips, and with whitening eyes, his visage – tender before – was so completely terrified of everything that it was frightful for people [to see].

Whose shade is dressed with transparent haze, like a lost beam of light, raised up from the earth to there, where the first star shines? A silver halo plays above the peaceful, joyful brow, and a fiery track has long been apparent behind it [the halo] in the nighttime twilight ... and so the angel of death with impermanent death was freed from earthly bonds! ... He threw the body of the maiden in the dust: his fatherland being in the heavens. There everything earthly that he loved, he would meet and love again! ...

Всё тот же он, и власть его
Не изменилась ничего;
Прошло печали в нем волнение,
Как улетает призрак сна,
И только хладное презрение
К земле оставила она;
За гибель *друга* в нем осталось
Желанье миру мстить всему;
И ненависть к другим, казалось,
Была любовью *к нему*.
Всё тот же он — и бесконечность,
Как мысль, он может пролетать,
И может взором измерять
Лета, века и даже вечность.
Но Ангел смерти молодой
Простился с прежней добротой;
Людей узнал он: «Состраданья
Они не могут заслужить;
Не награждение — наказание
Последний миг их должен быть.
Они коварны и жестоки,
Их добродетели — пороки,
И жизнь им в тягость с юных лет...»
Так думал он — зачем же нет?..

His power had not changed at all and he was everything that he had been: the worrying of grief had passed in him, as a ghost from a dream flies by, and she left only cold contempt to the earth; in him [the angel] remains the wish to avenge the entire world for the death of a *friend*; and hate towards others seems, as though it were love *to him*. He was everything that he had been – he could fly through even eternity as fast as a thought, and with a gaze could measure the Lethe, centuries and even eternity. But the young angel of death said goodbye to its previous kindness; he had understood humankind: “they cannot serve out of compassion; not reward – but punishment their final moment should be. They are insidious and unbending, their virtues are vices, and life is a burden on them from their young years ...” Thus he thought – why then not?

...

Его неизбежной встречи
Боятся каждый с этих пор;
Как меч — его пронзает взор;
Его приветственные речи
Тревожат нас, как злой укор,
И льда хладней его объятье,
И поцелуй его — проклятье!..

Since then, everyone fears his inescapable meeting; his gaze pierces like a sword; his salutatory speeches disturb us like an evil reproach, and his embrace is of cold ice, and his kiss – is a curse!...